

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Есаулъ кричитъ голосомъ
Во всю буйну голову:
«Помогли атаманъ — молодцы!
Атаманъ трухменку гнетъ!»

(Изъ старин. пѣсни).

Ковшовъ

Благосостояніе ихъ не только не обезпечено, но они почти совершенно разорены и на дѣдовскихъ земляхъ усѣлись пришельцы ничего общаго съ казачествомъ не имѣющіе.

Многіе на казаковъ до сихъ поръ смотрятъ не какъ на сыновъ, а какъ на пасынковъ обшей нашей матери Руси. Пора бы кажется намъ, казакамъ, съ твердымъ духомъ сказать въ защиту свою и нашихъ предковъ вѣское и дѣльное слово, могущее открыть глаза нашему Правительству на истинное положеніе казачьихъ дѣлъ, положеніе весьма критическое, а это и возможно лишь въ Г. Думѣ, куда поэтому мы и обязаны выбрать истыхъ казаковъ, любящихъ всей душой свою родину, горячо преданныхъ Самодержавному Царю и ни въ коемъ случаѣ не забывающихъ, что они выбраны не для краснорѣчиваго молчанія, не для хлопотъ о процвѣтаніи иногородняго засилья, не для слезныхъ просьбъ о еврейскомъ благополучіи, какъ это дѣлали бывшіе казачьи депутаты кадетскаго лагеря а для твердаго и спокойнаго отстаиванія казачьихъ интересовъ, для возвращенія въ возможныхъ предѣлахъ утраченныхъ вольностей и, главное, для противовѣса въ Г. Думѣ разрушительнымъ и измѣнническимъ замысламъ лѣвыхъ „товарищей“, направленныхъ противъ Самодержавнаго Трона и единой Руси.

II. Юдинъ.

Уходцы въ Чарджуѣ.

I.

Городъ Чарджуи раскинулся въ предѣлахъ Бухары на лѣвомъ берегу древняго оксуса (Аму-Дарьи), на параллели $39^{\circ} 5' 5''$ сѣверной широты, какъ объ этомъ послѣднемъ свидѣтельствуется надпись на солнечныхъ часахъ въ общественномъ саду этого города. Часть Чарджуя, расположившаяся въ углу между полотномъ желѣзной дороги и величественной рѣкой, носитъ названіе Уральской слободки, или въ просторѣчьи „Уралки“, по той причинѣ, что первыми обитателями этого поселенія были уральскіе казаки, такъ называемые *уходцы*, переселившіеся лѣтъ двадцать тому назадъ изъ Аму-Дарьинскаго отдѣла Сыръ-Дарьинской области, куда они были сосланы въ административномъ порядкѣ въ 1874—75 годахъ за недачу подписки на введеніе новаго положенія о воинской повинности Войска. Впослѣдствіе въ Уральской слободкѣ стали селиться разночинцы: мѣщане, желѣзно-дорожные рабочіе, мелкіе торговцы, которые въ скоромъ времени превзошли числомъ казаковъ.

Съ появленіемъ новыхъ насельниковъ строгій обликъ Уральской слободки измѣнился кореннымъ образомъ: разухабистые звуки гармоник и балалайки, веселыя пѣсни замѣнили благоговѣйную тишину, дѣвушки и парни гурьбами заходили по улицамъ, появились табашники,

водка полилась рѣкой. Такая же приблизительно метаморфоза, что и въ Чарджуѣ, произошла съ теченіемъ времени и въ другихъ поселеніяхъ уральскихъ казаковъ Туркестанскаго края: въ городахъ Казалинскѣ, Перовскѣ, Петро-Александровскѣ и Аулія-Ата.

Все это, разумѣется, не нравится уральцамъ—старообрядцамъ часовеннаго упованія: опасаются они за нравственность своей молодежи, за крѣпость дѣдовскихъ устоевъ. Поэтому не разъ въ головѣ пожилого уральца мелькала мысль о томъ, нельзя ли найти такое укромное мѣсто, которое было бы далеко отъ мірскихъ соблазновъ. На эту же мысль наталкиваетъ уходцевъ ихъ, совершенно неопредѣленное до сихъ поръ, правовое положеніе. И, быть можетъ, въ Чарджуѣ эта мысль, назойливѣе всего даетъ о себѣ знать: здѣсь несетъ свои мутныя волны изъ манящей дали древняя Аму-Дарья; въ верховьяхъ ея тянутся неизслѣдованные хребты и долины Памира и Гиндукуша,* вѣ томъ же направленіи—таинственныя страны Афганистана и Индіи; вокругъ Аму-Дарьи витають туземныя воспоминанія и легенды о великомъ завоевателѣ Александрѣ Македонскомъ и объ его войнахъ.

1-го апрѣля 1912 года судьба закинула меня по дѣламъ службы въ г. Чарджуи, а 2-го апрѣля вечеромъ извозчикъ уже ввозилъ меня въ главную улицу Уральской слободки. Туда меня влекло мое казачье происхожденіе. Хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ на чужбинѣ ссыльные уральцы, каковы ихъ чаянія и мысли. По бокамъ широкой улицы тянулись низенькіе, съ маленькими окошечками домики изъ воздушнаго кирпича. Во дворахъ виднѣлись скудныя древесныя насажденія. Казалось, что постройки эти были возведены не для постояннаго жилья, а на время, обитатели же ихъ готовы во всякій моментъ подняться и уйти. Дневныя работы ко времени моего вѣзда были уже кончены. Южная темнота быстро вступала въ свои права. Люди сидѣли на заваленкахъ и крылечкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весело брнчали балалайки или мелодично звенѣли струны гитары. Но возлѣ нѣкоторыхъ домовъ, напротивъ того, царил тишина, несмотря на присутствіе людей; впрочемъ справедливость понуждаетъ упомянуть, что нерѣдко тишина эта всетаки нарушалась звуками грызенія подсолнечныхъ сѣмячекъ. Бросалось въ глаза, что большей частью около такихъ домовъ были навѣсы, подъ которыми сидѣли люди, а насупротивъ навѣсовъ на улицѣ лежали каюки и байдары. Это были лодочныя мастерскія, а люди, возсѣдавшіе подлѣ нихъ, уральцы.

Вблизи одного навѣса, около котораго выривывался остовъ особенно большого каюка, я приказалъ извозчику остановиться и, выйдя изъ экипажа, подошелъ къ сидѣвшимъ людямъ. Хозяиномъ дома оказался Антонъ Анофріевичъ

*) Огромныя горы на нашей границѣ съ Индіей. (Ред.)

П—нъ — коренастый казакъ съ богатырскою грудью, рябоватымъ широкимъ лицомъ и небольшою окладистой черной бородой съ просѣдью, съ сумрачно-серьезнымъ взоромъ черныхъ глазъ, въ помятой фуражкѣ съ малиновымъ околышемъ. Антонъ Анофріевичъ на первый взглядъ былъ угрюмъ и непривѣтливъ; онъ напоминалъ собой непрístupную скалу, какую-то каменную глыбу, кремнистый кряжъ. Около него сидѣли человѣка два молодыхъ казаковъ и женщины: старушка въ ношебномъ уральскомъ сарафанѣ съ позументами и сравнительно молодая особа въ какомъ то смѣшанномъ костюмѣ, въ которомъ находились элементы сарафана, но многія принадлежности несомнѣнно были позаимствованы изъ одежды городскихъ обывательницъ. Недовѣрчиво спервоначала приняла меня эта компанія. Разговоръ не клеился.

Подъ навѣсъ стали входить другія любопытствующія личности, и между прочимъ пожаловалъ, мягко ступая по землѣ валеными сапогами, симпатичный, живой старичекъ Иванъ Ивановичъ П—въ. Добродушный, привѣтливый онъ скоро завязалъ со мной разговоръ, узналъ болѣе или менѣе, кто я и зачѣмъ пожаловалъ. Иванъ Ивановичъ оказался изъ числа тѣхъ уходцовъ, которыхъ лично принуждали къ подпискѣ, били, сослали въ туркестанскія степи, гдѣ снова мучили. Однако пережитыя, столь жестокія обстоятельства не погубили души этого человѣка, не забили его природнаго ума и не очерствили его сердца. Иванъ Ивановичъ особенно оживился, когда разговоръ зашелъ о ссылкѣ уходцовъ. Онъ весь отдался воспоминаніямъ. Собравшаяся молодежь слушала почтительно и съ напряженнымъ вниманіемъ давно знакомые ей отъ отцовъ и дѣдовъ рассказы о выстрадавшихъ событіяхъ, изрѣдка поддакивая словамъ Ивана Ивановича. Чувствовалось, что прошлыя страданія стариковъ глубоко переживаются молодыми сердцами; страданія эти спаяли такъ называемыхъ „уходцовъ“ въ одно; они питаютъ ихъ, руководятъ ихъ дѣятельностью; они, какъ пружина, даютъ имъ силу и упругость; благодаря имъ да старой вѣрѣ, ссыльные уральцы на чужбинѣ, среди многочисленныхъ народностей и людей разнообразныхъ вѣръ, сохранили и сохраняютъ свой первобытный русско-казачій типъ.

— Неправда, повѣствовалъ Иванъ Ивановичъ, „что мы не хотѣли служить. Мы говоримъ: выберите изъ насъ, сколько хотите человѣкъ, и пошлите служить; пойдѣмъ! И въ нашей станицѣ выбирали десять человѣкъ; попалъ въ число ихъ и я. Тутъ же на площади произвели мы все ученіе по командѣ!

— Ну ладно, раздался какой-то внушительный голосъ со стороны: скажемъ, молоды, служить не хотѣли, а стариковъ семидесяти, девяносто лѣтъ за что били? имъ какая служба? другого стануть бить или поведутъ въ тюрьму, а онъ Богу душу отдастъ!

— Дай имъ, вынь да выложи подписку, продолжалъ Иванычъ „что будемъ исполнять безпрекословно все, что впредь касаемо“!..

— Вишь ты, заговорили съ тяжелыми вздохами голоса: „что впредь касаемо“! шутка сказать! Время тогда было неспокойное. А какъ противъ Царя заставили бы на основаніи этой подписки идти?..

Чувствовалось, что слова: „исполнять безпрекословно все, что впредь касаемо“, породили въ свое время наибольшее сомнѣніе въ умахъ казаковъ и даже въ настоящее время болѣе всего волнуютъ уходцовъ. Видно было, что неиспорченные, вдумчивые люди эти не привыкли бросать слова на вѣтеръ и раздавать подписи, легко относясь къ смыслу подписываемаго.

— Вычитали намъ бумагу, рассказывалъ Иванычъ „лишаетесь вы, дескать, казачьяго званія, состоянія и всего прочаго и ссылаетесь въ Туркестанскій край. Ну хорошо! Пригнали насъ въ Казалинскъ. Здѣсь былъ майоръ Плыщевъ, свирѣпый человѣкъ. Одна фамилія-то у него какая страшная! Сильно билъ онъ насъ, старикамъ бороды рѣзалъ. Били насъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ объ этомъ краеначальникъ Кауфманъ, который воспретилъ насъ истязать.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ. Сколько прошеній было нами подано, самому Государю лично подавали, а все не выходитъ наше дѣло.

Начальникъ края Черняевъ ѣхалъ въ Петербургъ. Близко принялъ было онъ наше дѣло къ своему сердцу, пообѣщалъ похлопотать. Но сдѣлать ничего не могъ. Подалъ онъ докладную записку военному министру генералу Ванновскому, но противъ этой записки въ Питерѣ написали свой докладъ. Когда Черняевъ назадъ изъ Петербурга возвращался, сказалъ намъ: „здѣсь я—большой человѣкъ, а въ Питерѣ я—вотъ какой маленькій“, и указалъ на половину своего мизинца. „Ничего, старики, не могу“, говоритъ: „сдѣлать“.

— Оно конечно, опять раздались голоса: въ Питерѣ—графья да князья; противъ нихъ что могъ сдѣлать Черняевъ?

— Недавно одинъ краеначальникъ сказалъ нашей депутаціи, продолжалъ прерванный разговоръ Иванычъ „Сойдите вы съ точки, все для васъ сдѣлаютъ“! А съ какой точки сойти, не говорить, и мы ея не знаемъ. Жаловали насъ Цари владѣнной на рѣку Уралъ землей, казачьимъ положеніемъ, разными правами, крестомъ и бородою, а мы за то обѣщались служить имъ, нашимъ Царямъ, до послѣдней капли крови и своего обѣщанія никогда не нарушали. Бери насъ, Государь, сейчасъ всѣхъ до одного на службу! пошли на войну, всѣ пойдѣмъ! Мы съ поля брани не побѣжимъ; отрубятъ голову, лежи она, а присягъ не измѣнимъ! Послѣднія слова Иванычъ произнесъ вдохновеннымъ голосомъ, какъ бы отъ лица всего своего народа, и съ гордостью,

— Проѣзжалъ черезъ Чарджуй генераль Ку-ропаткинъ, мрачно началъ хозяинъ дома Антонъ Анофріевичъ: мы—къ нему. Вы, говоритъ—покайтесь только, повинитесь, и васъ устроятъ, какъ вы захотите. Вонъ, отецъ другой разъ и напрасно побьетъ или побранитъ сына; сынъ долженъ попросить у отца прощеніе, и отецъ все сдѣлаетъ для сына, проститъ его. Вотъ и вы попросите прощеніе!—Какъ будто вѣдь генераль-то хорошо сказалъ, а? Да намъ-то неохота просить прощеніе, когда мы невиноваты!

— Да, много мы просили. Каждый годъ просимъ, опять началъ говорить словоохотливый Иванычъ. Вотъ, на дняхъ, проѣхалъ военный министръ генераль Сухомлиновъ; ему подали прощеніе. И почему-то все не выгораетъ наше дѣло. Очень намъ хотѣлось бы, чтобы Государь самъ поговорилъ съ нашими выборными, хоть съ двумя, тремя человекъ. Чтобы Онъ еще намъ сказалъ!... Мы теперь уже такъ полагаемъ, что начальство тутъ не причемъ. Распря какъ будто идетъ у насъ между собой: между старымъ Войскомъ, не давшимъ подписку, и новымъ Войскомъ, давшимъ подписку и оставшимся на Уралѣ. Всѣ наши прошенія, должно, пересылаются въ Уральскъ, а оттуда имъ ходу нѣтъ.

Подбивали, значить, насъ другимъ путемъ, помимо Государя, добиться улучшенія своего положенія. Вѣдь мы сейчасъ живемъ, какъ птицы небесныя: у насъ нѣтъ ни земли, ни воды. Вотъ забастовщики и говорили намъ... „Идите съ нами! все получите!“ Но мы противъ законныхъ властей не пошли и никогда не пойдемъ! Въ Казанскѣ во время революціи начальство растерялось было, дало волю забастовщикамъ, но наши уральцы прямо заявили уѣздному начальнику, что они стоятъ за Государя Императора и не потерпятъ въ своемъ, Уральскомъ концѣ никакихъ безпорядковъ, не допустятъ безчинствъ и оскорбленій Царствующаго Дома и начальства. И вправду! въ Уральскомъ концѣ была тишина и порядокъ.

Упоминаніе о забастовочномъ времени пробудило въ слушателяхъ рядъ воспоминаній. Многие, молчавшіе до сихъ поръ, заговорили, стали припоминать курьезныя положенія, въ которыхъ тогда очутились нѣкоторые начальствующія лица. Бесѣда оживилась, но потеряла свой торжественно-дѣловой характеръ. Стало совершенно темно. Я распростился съ казаками и отправился къ себѣ на квартиру.

А. Мякутинъ.

Донская военная старина.

Въ сочиненіи Мих. Сенюткина „Донцы“, помѣщены біографіи донскихъ старшинъ XVIII вѣка числомъ 13 человекъ, перечень которыхъ съ краткими біографическими свѣдѣніями былъ помѣщенъ въ № 29 „Голоса Казачества“.

Въ виду интереса пробуждающагося теперь къ старинѣ и дабы славныя имена не исчезли со-всѣмъ въ Лету, ибо въ настоящее время (не говоря уже о тѣхъ историческихъ памятникахъ и документахъ, которые уничтожаются временемъ, по незнанію своего прошлаго особенно не церемонятся съ именами сѣдой старины) уничтожается то, что, казалось, не можетъ быть уничтожено! На дняхъ, проѣзжая по Донецкому округу я былъ въ слободѣ Головой (на р. Калитвѣ) и къ изумленію своему услышалъ, что это теперь не Голова слобода, а „Самсоніевка“.

Славный дѣятель прошлаго Дона—основатель этой слободы старшина Головъ—забытъ и вычеркнутъ изъ памяти благодарнаго потомства.

Желая пополнить этотъ славный списокъ дѣятелей давно прошлаго, я предлагаю его въ томъ порядкѣ, какъ онъ значитъ на 1785 годъ! *)

1. Войсковой Атаманъ, генераль-поручикъ Алексѣй Ивановичъ *Иловайскій* въ службѣ съ 1751 г. ген.-маіор.—1776 г. ген.-пор. 1783 г. ген. отъ кавалеріи—1796 г.

2. Михаилъ Сидоровичъ *Себряковъ* въ службѣ съ 1756 г. полковникъ арміи—1762 г. бригадиръ 24 ноября—1784 г.

3. Илья Ѳедоровичъ *Денисовъ* въ службѣ 1740 г. бригадиръ—24 ноября 1784 г.

4. Ѳедоръ Петровичъ *Денисовъ* Бриг. 24 нояб. 1784 г. в послѣдствіи ген. отъ кав. 2 разр.

5. Дмитрій *Мартиновъ* въ службѣ 1746 г. полковникъ арміи 1765 г. 5 юля бригадиръ—24 ноября 1784 г.

6. Амвросій *Луковкинъ* въ службѣ съ 1741 г. бригадир. 24 ноября 1784 г.

7. Дмитрій Ивановичъ *Иловайскій* въ службѣ съ 1754 г. подполковникъ—1775 г. полковникъ—1784 г. бригадиръ—1790 г. г.-м.—1794 г. г.-лейт.—1798. Г.-м. отъ кав. 1799 г.

7. Яковъ Никифоровичъ *Сулнъ*. Въ службѣ съ 1755. полковникъ—24 нояб. 1784 г.

8. Василий Петровичъ *Орловъ*. Въ службѣ съ 1767 г. подполк.—1785 г. 24 ноября. в послѣдствіи генер. отъ кавалеріи.

9. Алексѣй Ѳедоровичъ *Краснощекоевъ*; въ службѣ съ 1765 г. премьер-маіор.—1774 г. 18 нояб.

10. Михаилъ *Агеевъ*. Въ службѣ съ 1758. премьер-маіор.—24 ноября 1774 г.

11. Алексѣй *Ребриковъ* (Въ службѣ съ 1767 г.

12. Василий *Яновскій* (пр.-м.—1774 г. 14 ноября.

13. Иванъ *Исаевъ*. Въ службѣ съ 1764 г. пр.-маіор. 1774 г. 24 ноября.

14. Кононъ *Устиновъ*. Службы—1768. пр.-м. 1774 г., 24 ноября.

15. Иванъ *Бузинъ*. Служб.—1767 г. пр.-м.—1774 г. 24 ноября.

16. Ѳедоръ Артемьевичъ *Кутейниковъ*. Служб.—1736 г. премьер-маіор. 1775 г. 1 марта.

*) Списокъ воинскому департаменту и находящимся въ штатѣ при Войскѣ, въ полкахъ, гвардіи, въ артиллеріи и при другихъ должностяхъ генер.-маіор. и штабъ-офицерамъ, также кавалерамъ Военнаго ордена и Старшинамъ въ ихъ регулярныхъ войскахъ на 1785 годъ. С.-Петербургъ при Государственной Военной коллегіи 1785 г.

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Есаулъ кричитъ голосомъ—
Во всю буйну голову:
«Помогли атаману — молодцы!
Атаманъ трухлявну гнетъ!»

(Изъ старин. пѣсни).

Ковалевъ

Нѣтъ! герои, защитники государства, воспитываются не учрежденными домами подаяній, а наглядными знаками отличій и благодарности!

Руководствуясь изложеннымъ взглядомъ и, полагая еще въ 1910 г.,—что Войско Донское **непремѣнно** поставитъ памятникъ своимъ предкамъ въ честь и славу столѣтней годовщины великихъ дѣлъ и руководствуясь пословицей или правиломъ: „сдѣлалъ, что могъ,—пусть продолжатъ тѣ, кому больше дано“, въ дополненіе къ статьѣ, составилъ я проэктъ памятника, въ такой, понятно, формѣ, въ какой мнѣ, какъ казаку, показалось хорошей. Снялъ фотографію и изготовилъ клише, но... но оставилъ его на покоѣ въ ящикѣ письменнаго стола редактора.

Не поднималъ вопроса о памятникѣ потому, что дошелъ слухъ о рѣшеніи учредить въ Новочеркасскѣ инвалидный домъ взамѣнъ памятника о подвигахъ, а до этого слуха еще и потому, что... что на Дону памятнику врядъ ли быть!

Между прочимъ, предполагаемый мною памятникъ, по приблизительному подсчету, стоилъ бы не дороже 18 тысячъ рублей. Предполагалось основаніе памятника изъ простого сѣраго гранита. Обѣ призмы—изъ бетонно-мраморной или бетонно-гранитной массы. На первой призмѣ, въ мѣстахъ, обведенныхъ рамкой, на трехъ сторонахъ помѣстить отлитые изъ темной бронзы или изъ чугуна рельефныя картины: 1) атака казаковъ подъ Лейпцигомъ; 2) бивакъ казаковъ у Парижа, или вѣздъ Императора Александра 1-го въ Парижъ и 3) атака казаковъ на Наполеона у Городни, или бой при Мирѣ; на четвертой сторонѣ помѣстить текстъ грамоты, данной Императоромъ Александромъ Павловичемъ Войску Донскому за войны 1812—1814 годовъ и поименовать тѣ города, въ покореніи которыхъ участвовали Донцы при освобожденіи Европы отъ плѣненія наполеоновскаго.

На второй призмѣ—четыре медальона съ профильными изображеніями: Императора Александра I-го, Россіи, Платова и Наполеона; медальоны обвиты вѣнками. Колонна—пика: составить изъ пустотѣлыхъ цилиндровъ, склепанныхъ изъ котельнаго желѣза въ 6 миллиметровъ толщиною. Помимо этого, для устойчивости, въ серединѣ колонны долженъ проходить столбъ, сдѣланный изъ углового желѣза, на подобіе семафорныхъ столбовъ желѣзныхъ дорогъ или столбовъ постоянныхъ станцій беспроволочнаго телеграфа; затѣмъ, въ серединѣ же, послѣ накладки одинъ на другой, цилиндры должны прикрѣпляться къ столбу распорками изъ углового же желѣза. Копье пики сдѣлать изъ листовъ бѣлаго металла, а гирлянды, обвивающія колонну, отлить изъ темной бронзы, сдѣлавъ ленты гибкими, дабы ихъ можно было легко прикрѣплять на колонну. Сама колонна должна быть выкрашена чернымъ асфальтовымъ лакомъ или отполирована и покрашена эмалевой черной краской; вѣнокъ—по желанію: золотой или бронзовый темный.

На площадкѣ первой призмы, по угламъ четыре колонки съ урнами, изъ которыхъ поднимается пылающій огонь—фиміамъ славы; колонки соединены цѣпями.

Размѣры, приблизительные, таковы: площадь основанія памятника 196 квадратныхъ аршинъ; площадь основанія второго плато накладного, 100 кв. аршинъ; верхняя площадь второго плато—49 кв. аршинъ.

Первая призма: $5 \times 5 \times 4$ и вторая— $2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2} \times 2$ аршина; колонны 2×21 аршинъ. Общая высота: $1\frac{1}{2} + 1 + 4 + 2 + 21$ —итого: $29\frac{1}{2}$ аршинъ.

Гдѣ поставить?

Понятно тамъ, гдѣ наиболѣе памятникъ бросался бы въ глаза—на Соборной площади, ближе къ входу на аллею Платовскаго проспекта.

Хотя, въ этомъ году, еще можно успѣть поставить небольшіе памятники въ окружныхъ станицахъ, руководствуясь примѣромъ лагеря Донской артиллеріи, если тамъ, т. е. въ станицахъ отщутся чувства и средства для ознаменованія года столѣтія великой эпохи, выпавшаго на наше счастье пережить его празднованіе.

В. Пузановъ.

Уходцы въ Чарджуѣ.

II.

На слѣдующій день послѣ описаннаго разговора Иванъ Ивановичъ со своимъ внукомъ Игнатіемъ Самойловичемъ пожаловалъ ко мнѣ на квартиру, какъ бы съ отвѣтнымъ визитомъ. Оба казака были въ широкихъ высокихъ сапогахъ: у дѣда изъ черной, а у внука изъ желтой кожи, и въ поношенныхъ фуражкахъ съ малиновымъ околышемъ. На Иванѣ Ивановичѣ былъ надѣтъ короткій сѣрый аязмъ, на Игнатіѣ Самойловичѣ—выцвѣтшій желто-коричневый халатикъ, застегнутый на единственную пуговицу подъ подбородкомъ. Костюмы эти легко и свободно облегали ихъ станы поверхъ исподняго бѣлья. Лицо Ивана Ивановича, обрамленное длинной сѣдѣющей бородой, свѣтилось старческимъ довольствомъ и добродушнымъ юморомъ. Благодаря, вѣроятно, послѣдней чертѣ характера, вчерашній разговоръ Ивана Ивановича о страданіяхъ уходцовъ не произвелъ на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какого я ожидалъ. Внукъ Ивана Ивановича Игнатій Самойловичъ—высокаго роста, съ длинной рыжеватой бородой, въ которой пробивалось нѣсколько сѣдыхъ волосъ, человекъ съ кроткимъ, но серьезнымъ взоромъ. Какой-то одухотворенностью, свѣжестью вѣяло отъ обоихъ казаковъ.

Нѣсколько минутъ разговоръ носилъ общій характеръ; въ теченіи ихъ Иванъ Ивановичъ, много на вѣку своемъ видавшій мѣсть и людей, окончательно ознакомился съ моей біографіей. Бесѣда вслѣдствіе этого стала довѣрчивѣе, и Иванъ Ивановичъ повѣдалъ мнѣ, что въ средѣ уходцевъ возникла мысль сѣздить въ верховья Аму-Дарьи, въ горы, искать древнихъ христіанъ и посмотреть, нѣтъ ли тамъ какихъ промысловъ: рыбы, звѣря или птицы, а то и земель для

жительства, и что для этихъ цѣлей посылается онъ со внукомъ и Антонъ Анофріевичъ. Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что мысль объ этомъ путешествіи у казаковъ явилась, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ основаніямъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ казаки близъ Чарджуя на берегу Аму-Дарьи выгружали изъ каюка какой-то паровикъ. Въ это время подошелъ къ нимъ съ котомкой за плечами молодой путникъ по имени Сильвестръ и рассказалъ, что онъ идетъ спасаться въ высокія горы. Идетъ онъ не одинъ, а въ это же мѣсто направилось двѣнадцать человекъ, но разными дорогами, — кто одинъ, а кто по двое. Съ Сильвестромъ собственно разговоръ велъ казакъ Салминъ, который, отойдя съ путникомъ въ сторону, сѣлъ съ нимъ на бревно. Пришло время, когда потребовались наибольшія усилія для выгрузки. Крикнули Салмина. Тотъ, простившись съ Сильвестромъ, подбѣжалъ къ паровику, Сильвестръ же двинулся въ путь по направленію къ Самарканду. Паровикъ вдругъ закачался и упалъ съ каюкомъ на бокъ въ воду, придавивъ на смерть своею тяжестью Салмина, который унесъ такимъ образомъ въ могилу подробности разговора съ Сильвестромъ. Послѣ того уральцы, проживающіе въ Пенджакентѣ, сказывали, что они видѣли странника Сильвестра, какъ онъ шелъ къ снѣжнымъ горамъ.

Затѣмъ, года четыре тому назадъ, ѣхалъ на пароходѣ по Аму-Дарьѣ инженеръ Кастальскій, живущій постоянно въ Самаркандѣ, и рассказывалъ своему брату, что на югѣ Туркестана есть горы „Темиръ“ (Желѣзные горы) со снѣжными вершинами: въ горахъ тѣхъ—„Ольгина долина“, а на ней—большое озеро, вокругъ него живутъ старообрядцы. Разговоръ этотъ подслушалъ лоцманъ парохода уралецъ и содержаніе его передалъ своимъ.

Кромѣ того, однажды сартъ, пріѣхавшій съ верховьевъ Аму-Дарьи, рассказывалъ казаку Пачколину, что тамъ, въ горахъ живутъ „кафиръ-чапощъ“ (невѣрныя), которые молятся такъ, какъ русскіе: прилѣпять свѣчку къ „сувратѣ“ *) и поклоняются огню.

Наконецъ, изъ священныхъ книгъ казаками было вычитано, что Александръ Македонскій, переправлявшійся черезъ Аму-Дарью, загналъ въ горы какіе-то народы подъ названіемъ „гоги и магоги“. Отсюда явилась мысль, не приняли ли эти народы христіанство, и не скрываются ли они до сихъ поръ въ горныхъ дебряхъ Памира и Гиндукуша.

Выслушавъ эти основанія, я выразилъ свое сомнѣніе съ существованіи христіанъ въ помянутыхъ горахъ, такъ какъ мѣста эти въ достаточной степени изслѣдованы и о существованіи въ нихъ христіанскихъ общинъ было бы извѣстно.

Изъ разговора, возникшаго по поводу моего замѣчанія, выяснилось, что казаки смотрятъ на

эту поѣздку какъ на подвигъ и съ затаенной мыслью: не удастся ли имъ найти „истинное“ священство. Поэтому-то Иванъ Ивановичъ въ концѣ разговора убѣжденно сказалъ: „священство все таки надо искать: оно нужно! Не найдемъ, Богъ насъ проститъ: искали, употребили все усилія; не нашли—не наша вина. Мы поѣдемъ со слѣдующимъ же пароходомъ“. Игнатій Самойловичъ къ этому добавилъ, что кстати они еще посмотрятъ, нѣтъ ли тамъ подходящихъ мѣстъ для жительства, рыбныхъ озеръ или какого звѣря. На мои слова, что въ верховьяхъ Аму-Дарьи мѣста пустынные, не хлѣбородныя и неудобныя для жительства, Игнатій Самойловичъ возразилъ: „мы и на камнѣ проживемъ, только бы душу спасти. Накормить и прикрыть свое тѣло немного нужно“. А Иванъ Ивановичъ къ этому присовокупилъ: „когда насъ гнали съ Урала, говорили: „одинъ только черный хлѣбъ будете ѣсть въ Туркестанѣ!“ а мы его и не видѣли здѣсь, *) да живемъ, слава Богу! Наши нынче были на Уралѣ. Выдаютъ, сказывали, тамъ казакамъ пособіе по случаю голода, а они его пропиваютъ; у нихъ мука—1 р. 80 к., да голодаютъ, а у насъ она 5—6 рублей, а мы всячески живемъ, не жалуемся и не голодаемъ!“ на этомъ разговоръ окончился.

III.

Послѣ этого я еще разъ побывалъ въ Уральской слободкѣ въ воскресный день. Опять собрались подъ навѣсомъ казаки, женщины, дѣти, поговорить и послушать. Иванъ Ивановичъ между прочимъ началъ рассказъ на божественную тему.

„Когда Господь изгналъ Адама и Еву изъ рая, у Евы родился первенецъ сынъ Каинъ. Начала было Ева его кормить грудью, а у ребенка появились двѣнадцать змѣиныхъ головъ, которыя размѣстились на его груди, какъ ордена, въ одну линію и стали впиваться Евѣ въ тѣло, какъ только она подносила ребенка къ груди. Хорошо. Явился къ Адаму дьяволъ и говоритъ, что это дѣло поправимо. „Давай заключимъ условіе: ты возьми, заколи ягненка, обмакни въ его крови обѣ свои руки, приложи ладони, какъ печати, къ камню и при этомъ скажи: „живые мнѣ, а мертвые тебѣ“. Подумалъ Адамъ, на что ему мертвые, взялъ, и согласился. Зарѣзалъ ягненка, омочилъ въ крови его руки, приложилъ ладони къ камню и сказалъ: „живые мнѣ, мертвые тебѣ“. Тогда дьяволъ провелъ рукой по груди Каина и снялъ змѣиныя головы. Ишь, врагъ-то какой! Послѣ этого Ева преспокойно стала кормить ребенка грудью. А дьяволъ взялъ камень съ отпечатками рукъ Адама и бросилъ его въ Иорданъ. Ну, хорошо! Получилось изъ этого то, что, какъ только человекъ умираетъ, такъ попадалъ прямо въ адъ. Чтобы вывести людей изъ ада понадобилось самому Господу Христу придти на землю. Когда Господь крестился во

*) „Сувратѣ“—божокъ, образъ.

*) Въ Туркестанѣ рожь не сѣется.

Иорданъ, дьяволъ въ это время схватилъ камень съ отпечатками рукъ Адама со дна рѣки, взялъ да и бросилъ его въ адъ. Вслѣдствіе этого въ аду получился большой переполохъ: заключенныхъ обуялъ страхъ за свою судьбу. А когда Господь воскресъ, то онъ спустился въ адъ, тутъ-то „грѣхъ нашихъ рукописаніе раздери“.

— Вотъ она подписка-то что значить! послѣ нѣкотораго молчанія добавилъ Иванъ Ивановичъ и этими словами освѣтилъ, какъ солнцемъ, цѣль своего разсказа. Самое больное мѣсто уходцевъ сказалося: это подписка; благодаря подпискѣ, терпятъ они вотъ уже скоро сорокъ лѣтъ страданія; благодаря ей же, они ждутъ отъ Царя ласкового слова и улучшенія своего положенія. Страстно, всѣми силами души опальные уральцы желаютъ служить, подобно своимъ предкамъ, вѣрою и правдою великимъ Государямъ, Русской землѣ и отечеству, но только съ тѣмъ, чтобы вѣчно оставаться имъ казаками. Честь, званіе казачье для нихъ дороже жизни!

Распростился я съ казаками въ этотъ разъ въ надеждѣ, что встрѣчу ихъ во вторникъ 10-го апрѣля на пароходной пристани.

IV.

Чуть взшло 10-го апрѣля солнце, какъ на пароходѣ Аму-Дарьинской флотиліи „Царь“ и долженствующей плыть съ нимъ на буксирѣ баржѣ „Москва“ начались приготовленія къ отплытію. Малороссъ капитанъ спокойно и дѣловито отдавалъ распоряженія. „Протрави буксиръ!... Убирай кошки“!... слышалось то и дѣло съ капитанскаго мостика. Пассажиры съѣхались, размѣщались на палубѣ и баржѣ, а уральцевъ не было. Не обманули ли? Не случилось ли что? Мелькало въ головѣ. Наконецъ, какъ-то незаметно, къ баржѣ подъѣхала телѣга, нагруженная дорожными вещами; въ ней сидѣли женщины и дѣти, а возлѣ ея шагало нѣсколько человекъ знакомыхъ казаковъ. Иванъ Ивановичъ былъ одѣтъ въ свой азымъ, Игнатій Самойловичъ—въ халатикъ, Антонъ Анофріевичъ—въ широкой черной пиджакъ, въ боковомъ карманѣ котораго выпячивалась объемистая записная книжка. Головы дѣда и внука покрывали порыжѣвшія войлочные шляпы съ полями. Антонъ Анофріевичъ и въ дальнюю невѣдомую дорогу отправлялся въ неизмѣнной фуражкѣ съ малиновымъ околышемъ.

Я поспѣшилъ къ телѣгѣ и изъ разспросовъ казаковъ узналъ, что на пароходѣ путники доѣдутъ до Термеза, а тамъ купятъ лошадей и дальше поѣдутъ верхомъ. На мои слова, что путешествіе это опасно, Игнатій Самойловичъ сказалъ: „ничего! тутъ пойдетъ все „простая Азія“, куда хочешь ступай, не тронуть“.

„Шайтанъ-каюкъ“, какъ называютъ пароходъ туземцы, въ это время далъ первый гудокъ. Три необычныхъ въ нашъ вѣкъ путешественника стали носить свои вещи на баржу, гдѣ

они разсчитывали лучше устроиться. Изъ числа дорожнаго имущества обращали на себя вниманіе мѣшки съ сухарями, ружья въ чехлѣ и сѣдла. Провожавшія женщины (и въ томъ числѣ съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ супруга Игнатія Самойловича) были задумчивы, молчаливы, но слезъ не было видно на ихъ глазахъ, должно, знали и чувствовали онѣ, что дѣло затѣвается нужное и кромѣ того спасительное; дѣти вели себя такъ же. „Въ путь шествовавшіе“ были бодры и спокойны. По третьему отчаянному гудку пароходъ и буксируемая имъ баржа стали отдѣляться отъ берега. Перекрестились казаки и казачки большимъ крестомъ, но, по прежнему, остались сосредоточенно покойными. Не было всхлипываній и причитаній, эффектовъ, чего-либо театральнаго. Все обстояло дѣловито и торжественно просто.

Солнце блестяло ослѣпительно. На пароходѣ и на баржѣ толпилась разношерстная публика: сарты въ бѣлоснѣжныхъ тюрбанахъ, афганцы въ широчайшихъ съ многочисленными складками штанахъ, азіатскіе евреи, кавказцы, солдаты разныхъ частей. Ни на баржѣ, ни на пароходѣ никто не подозрѣвалъ о цѣли странныхъ въ наше время пассажировъ—трехъ уральскихъ казаковъ.

Провожавшіе пароходъ люди развѣзжались на извозчикахъ. Телѣга съ казачками удалялась отъ берега; сзади нея небольшой вереницей шли мужчины. Пароходъ вышелъ на стремнину широкой Аму-Дарьи и медленно, съ большимъ трудомъ сталъ разсѣкать своей грудью быстро мчавшіяся ему навстрѣчу мутныя волны рѣки.

На серединѣ баржи выдѣлялись, три могучія фигуры: Антонъ Анофріевичъ, скрестивъ на груди богатырскія руки и опершись спиной на тюкъ съ кладью, задумчиво смотрѣлъ куда-то вдаль; рядомъ съ нимъ возвышался въ своемъ халатикѣ Игнатій Самойловичъ, вперившій кроткіе глаза свои въ волны древней Аму-Дарьи; учительный старичокъ Иванъ Ивановичъ, нѣсколько согнувшись и сложивъ впереди кисти рукъ, смиренно стоялъ тутъ же.

Плыли эти отважные люди по широкой рѣкѣ, подобно отдаленнымъ своимъ предкамъ, нѣкогда на легкихъ стругахъ также направлявшимся въ глубь азіатскихъ степей, за счастьемъ и правдой.

Добрый же путь вамъ, вольные по неволѣ, казаки XX-го вѣка!

А. Мякутинъ.

Изъ путевыхъ записокъ стараго чиновника-казака.

Начиналась непривѣтливая пасмурная осень. Мелкій холодный дождь, подгоняемый порывами холоднаго вѣтра, безжалостно сѣкъ лицо стараго чиновника, совершавшаго служебную поѣздку. Пара топчихъ лошаденокъ едва тянула почтовую бричку черезъ море жидкой грязи, поминутно спотыкаясь и

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Ковалев

Есаулъ Кригитъ голосомъ
Во всю буйну голову:
«Помогли атаману — молодцы!
Атаманъ трухлявну гнетъ!»

(Историческая картинка казачьяго сбора).

(Изъ старин. пѣсни).

гдѣ были встрѣчены полковымъ маршемъ. Послѣ взаимныхъ представленій и рукопожатій полковникъ Чоглоковъ обратился къ гостямъ съ рѣчью въ которой, упомянулъ, что въ то время, какъ вся Россія съ большимъ вниманіемъ и радушіемъ относится къ пребыванію въ ея предѣлахъ депутатовъ отъ дружественной англійской націи, мы, Донскіе казаки, являющіеся въ Москвѣ какъ-бы представителями всего могучаго казачества, считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ сердечно встрѣтить и принять въ своей средѣ друзей нашего дорогого отечества. Англичане поблагодарили за радушіе и ласку. Затѣмъ гостямъ былъ предложенъ завтракъ и чай. За завтракомъ шелъ оживленный разговоръ, лордъ уэрдель, оказалось, прекрасно говорилъ по русски, остальные члены депутаціи также кое что понимали, среди-же офицеровъ полка, — есауль Шамшевъ отлично владѣлъ мировымъ языкомъ „эсперанто“, а съ нимъ и нѣкоторые другіе офицеры поддерживали интересную бесѣду. Подали „цымлянское“; гостямъ оно очень понравилось и они съ воодушевленіемъ пили за Донъ и казаковъ. Въ самый разгаръ завтрака доложили, что сотня уже готова и командиръ полка предложилъ гостямъ посмотрѣть Донцовъ казаковъ. Всѣ вышли на полковой дворъ, гдѣ развернутымъ фронтомъ была построена сотня подъ командой есаула Назарова.

Несмотря на лютый морозъ и вѣтеръ казаки бодро сидѣли на коняхъ и дружно отвѣчали на привѣтствіе. Англичане были поражены выправкой, увѣренностью въ посадкѣ и лихимъ видомъ казаковъ. По приказанію командира полка есауль Назаровъ произвелъ короткое сотенное ученіе на большихъ аллюрахъ. Англичане дивились чистотѣ при заѣздахъ и равненію казаковъ. Ученіе закончилось атакой сотни. Съ пиками „къ бою“ на полномъ карьерѣ Эта атака привела англичанъ въ восторгъ.

Но вотъ сотня быстро собралась, свернулась въ колонну и, отойдя въ сторону, спѣшились. Англичанамъ объяснили, что сейчасъ имъ покажутъ джигитовку; на это лордъ Уэрдель отвѣтилъ, что въ бытность свою Вице-Королемъ Индіи, онъ видѣлъ вольтижировку „конныхъ сипаевъ“ *) и ему особенно интересно увидѣть, прославленную по всему міру, казачью джигитовку.

Казаки между тѣмъ оправились, подтянули подпруги, осмотрѣлись и, по знаку командира полка, началась казачья, единственная въ свѣтѣ по шири и размаху, отчаянная джигитовка на полномъ карьерѣ.

Впереди скакали два казака рядомъ, а на плечахъ у нихъ стоялъ хорунжій Воиновъ; затѣмъ хорунжій Чеботаревъ пронесся, перепрыгивая черезъ коня вправо и влево; за нимъ хорунжій Болдыревъ на двухъ лошадахъ перепрыгивая на скаку съ сѣдла на сѣдло; затѣмъ хорунжій Воиновъ снова проскакалъ, стоя на сѣдлѣ. Лихіе офицеры, цвѣтъ казачества, показали примѣръ и началась джигитовка казаковъ. Чего только не было!

Вотъ скачетъ казакъ, за нимъ, видимо преслѣдуя, летитъ другой. Казакъ быстро снимаетъ винтовку, молніей поворачивается къ наступающему его врагу:

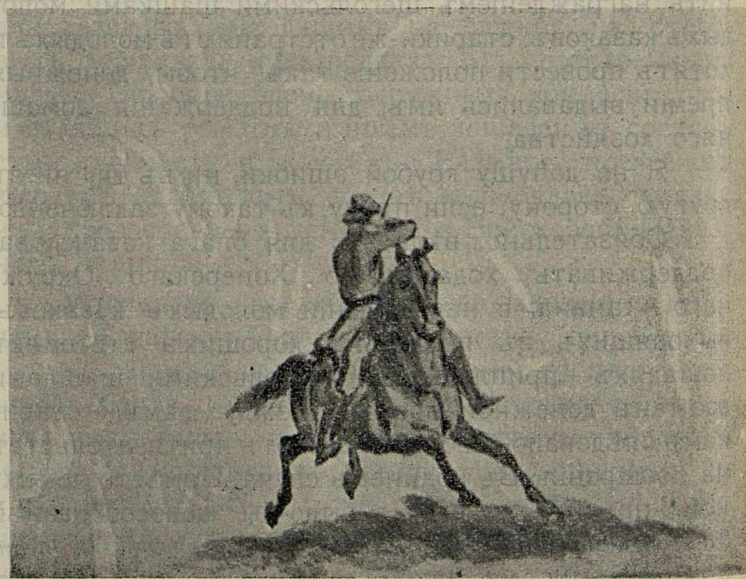
*) Сипаи это англійскіе солдаты, набранные изъ индусовъ.

трахъ! и преслѣдователь на всѣмъ карьерѣ кубаремъ летитъ на землю, нѣсколько разъ судорожно перевертывается и затихаетъ. Но помощь близка. Подскакиваетъ товарищъ, кладетъ конь на землю и спѣшитъ къ раненному; несетъ его къ лежащему коню, укладываетъ поперекъ, не забываетъ и самъ усѣться и, по знаку хозяина, добрый казакскій конь вскакиваетъ и увозитъ раненнаго „на перевязку“.

Общее вниманіе привлекало блестящее исполненіе казаками „вертуна“, т—е, казакъ на карьерѣ обращается кругомъ лошади. Затѣмъ одинъ урядникъ доставалъ землю стоя на сѣдлѣ, на обѣ стороны, причемъ уклонъ тѣла дѣлалъ назадъ; другой разсѣдлалъ и разнуздаль на скаку коня и джигитовалъ на немъ. И еще безъ счету было удивительныхъ традиціонныхъ приемовъ казачьей лихой джигитовки. Англичане были внѣ себя отъ восторга и заявили, что ничего подобнаго никогда не видѣли и не ожидали видѣть что лихость казаковъ превзошла ихъ самыя большія ожиданія и что они никогда не забудутъ этой джигитовки. Однако, несмотря на восторги и пылкость чувствъ, англійскіе гости такъ замерзли, что ихъ пришлось еще въ серединѣ джигитовки отогрѣвать специально принесенными шубами. Послѣ джигитовки всѣ снова отправились въ собраніе доканчивать завтракъ, прошедшій особенно оживленно и сердечно, причемъ англичане пили здоровье Государя Императора, арміи и всего казачества. Послѣ завтрака гости, провожаемые г. г. офицерами отбыли при звукахъ марша изъ полка.

Корреспондентъ.

20 Января. Москва.

Непріятныя минуты.

Было тяжелое, кошмарное время—начало декабря 1905 года... Неудачно окончилась злосчастная японская война и Россія горѣла въ огнѣ бессмысленной, безалаберной, „революціи“. Въ это, памятное всѣмъ, время лежалъ я въ палатѣ выздоравливающихъ тифозныхъ Ташкентскаго военнаго госпиталя..

Я уже почти поправился и пользовался, до выписки изъ госпиталя, частыми отпусками.

Въ Ташкентѣ въ это время генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Туркестанскаго военного округа былъ генераль отъ кавалеріи Тевяшевъ, который, какъ бывший Наказный Атаманъ Астраханскаго казачьяго войска, потребовалъ себѣ въ конвой 1-ю сотню 1-го Астраханскаго полка и прикомандировалъ ее къ 5-му Оренбургскому, казармы котораго находились за полотномъ Средне Азіатской желѣзной дороги.....

Въ этой сотнѣ у меня, начиная съ командира, подъесаула Л., и кончая послѣднимъ казакомъ, были всѣ знакомы еще по прежней совмѣстной службѣ въ Петро-Александровскѣ на Аму-Дарьѣ, и теперь я часто бывалъ у своихъ старыхъ друзей.

На линіяхъ желѣзнодорожнаго пути была тьма; — дорога примкнула къ „всеобщей забастовкѣ“, погасло электричество, прекратилось движеніе и пустой, неосвѣщенный вокзалъ былъ занятъ войсками.

Это было скверное, непріятное, жуткое время полное хаоса и всеобщей растерянности. Въ одну такую темную, холодную и вѣтряную ночь возвращался я домой къ себѣ въ госпиталь, верхомъ, отъ хорунжаго С. въ сопровожденіи приказнаго Чередникова и казаковъ Изюмскаго и Абакулова. Дорога лежала мимо „депо“. Мы ѣхали молча и каждый погруженъ въ себя... Темнота, тишь, жутко отзывались въ душѣ и только мѣрный топотъ коней дерзко нарушалъ безмолвіе ночи.

— Ваше благородіе, а въ „депѣ“ какой то шумъ! вдругъ прервалъ мои мысли Изюмскій.

Я быстро оторвался отъ думъ и весь обратился въ слухъ. Мы остановились и прислушались. Дѣйствительно, изъ депо слышался глухой рокотъ. Мы тронули рысью и вскорѣ очутились у прикрытыхъ дверей. Оттуда исходилъ слабый свѣтъ, тускло освѣщавшійся полумерзлую землю... Слышался неясный гулъ голосовъ—видимо тамъ была порядочная толпа. Я постучалъ рукояткой ногайки въ желѣзную дверь. За нею все стихло. Постучалъ я сильнѣй. Мелькнулъ свѣтъ фонаря и двое людей открыли намъ дверь. Мы очутились среди разношерстной толпы желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Увидя меня съ казаками она испустила угрожающій ревъ. Я вѣхалъ въ середину ея и сказалъ:

— Молчать, мы не боимся, и не трогаемъ васъ! Насъ окружили и стали галдѣть; поднялся какой-то истерическій крикъ,—угроза толпы.

Мы ждали...—Я „выдерживалъ марку“ и, ни слова имъ не сказавъ, мы простояли около 20-ти минутъ.

Толпа продолжала все время шумѣть... Какой только ерунды не услышали мы за эти двадцать минутъ. Намъ кричали бессмысленныя оскорбленія прямо въ лицо, насъ просили немедленно убираться, намъ грозили, бѣсился и волновались вокругъ, а мы стояли спокойно, мы презирали толпу.

Долго тянулись эти двадцать минутъ и памятно онѣ мнѣ навсегда, памятно моимъ спутникамъ Астраханскимъ казакамъ.

Наше хладнокровіе умирало разъяреннаго звѣря, наше спокойствіе утихомило безмысленныя угрозы толпы. Мы стояли какъ истуканы, и судорожно сжи-

мали винтовки въ рукѣ. И „звѣрь“ замолчалъ, овладѣлъ собой и затихъ. И тогда мы повернули коней и шагомъ выѣхали вонъ изъ депо.

Толпа вновь зарычала и теперь не стоило больше съ нею играть, мы перешли въ рысь и скоро были въ виду вокзала: въ догонку загремѣли револьверные выстрѣлы.

Замелькали огни госпитальнаго городка и опасность осталась далеко позади.....

Прошли кошмарные тяжелые 1905 и 1906, года, но этотъ случай въ Ташкентскомъ депо живъ еще и не забудется никогда. Я тогда столкнулся съ разъяренной толпой и произвелъ опытъ, который, къ счастью, кончился такъ хорошо, но много за эти минуты пережилъ и я, и мои казаки!

„Бывалый“

Съ Терека.

Станица Архонская Терской области основана въ 1838 г. и населена казаками бывшихъ Малороссійскихъ казачьихъ полковъ, т. е., потомками Запорожцевъ, а потому жители и доселѣ, не смотря на тѣсную связь съ казаками другого происхожденія, свято сохранили свое милое, мягкое нарѣчіе малороссовъ. Но и кромѣ этой любви къ предкамъ, ибо поддерживать казачью старину, ея устои, нравы и обычаи, освященные вѣками,—законъ велитъ, Архонцамъ многое можно поставить въ заслугу. Среди нихъ, надо сказать, доселѣ еще существуетъ душевная простота, строгое чинопочитаніе, тѣсная дружба, взаимность и гостепріимство. Здѣсь, въ примѣръ и назиданіе другимъ станицамъ, не только казаки служилого состава, но и отставные и даже малыя, начиная чуть-ли не съ 10 л. возраста,—выходятъ на улицу въ свободное отъ работъ время поголовно всѣ въ черкескахъ, чисто и опрятно одѣтыми, не теряя казачьяго облика. Пріятно смотрѣть на эту живую родную картину; невольно вспоминается прошлое и просятся изъ сердца слова: „Да, казачество еще грознѣе стало, чѣмъ оно было!“.

Пришлось мнѣ побывать и на проводахъ казаковъ 2 сего января въ строевой полкъ. Тутъ я съ гордостью любовался патриотизмомъ, религіозностью и молодецкой выправкой уходящихъ казаковъ. По обыкновенію на Терекѣ принято женить казаковъ до службы, а потому холостые въ числѣ выступающихъ составляютъ рѣдкое исключеніе.

Въ часъ назначенный для сбора, по зову станичнаго атамана собрались на церковную площадь молодые Терцы, собралось еще много казаковъ разныхъ возрастовъ для провода своихъ сотоварищей, а также всѣ жители станицы; площадь покрылась людьми,—получилось прекрасное зрѣлище. Казаковъ провожаютъ и тѣсно окружаютъ родныя семьи и любящія жены, нерѣдко съ малютками на рукахъ; воздухъ оглашается разными поздравленіями, пожеланіями, и иногда плачемъ женщинъ, но на лицахъ казаковъ нѣтъ и тѣни горя, они какъ будто съ радостью на душѣ готовятся идти на Цареву службу и даже съ особой гордостью ожидаютъ часа, когда

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Есауль кричитьъ голосомъ
Во всю буйну голову:
«Помогли атаманы — молодцы!
Атаманы трухлявкѣ гнетъ!»

(Изъ старин. пѣсни).

Ковшов

Кажется форма должна бы обезпечить офицера от сомнѣній на его счетъ „г-на кондуктора“ или контролера и дать имъ возможность по формѣ догадываться безъ ошибки, кто имѣетъ права на льготный проѣздъ.

Но пунктъ 7-й затмѣваетъ обаяніе мундира и низводитъ его значеніе къ нулю въ сравненіи съ бумажкой — удостовѣреніемъ, — заставляя офицера „немедленно внести плату“ и отказаться отъ своихъ правъ, иначе.... Протоколъ.

Возьмемъ самый неприятный, но вѣдь возможный случай. У офицера необходимой для уплаты суммы не оказалось — онъ не платитъ и... Протоколъ. Кондуктора, жандармы, начальникъ станціи, любопытные — скандалъ!!! Виноватъ офицеръ. Офицеръ попался! Безъ паспорта! А можетъ быть это и не офицеръ? — думается кому-нибудь изъ свидѣтелей въ наше подозрительное время. Самозванецъ. Залѣзъ съ билетомъ 3-го класса во 2-й! Такъ его! Есть случай посмѣяться.

А званіе воина высоко и почетно (какъ будто лишь тогда, когда есть удостовѣреніе).

Зачѣмъ все это? Не лучше ли не создавать причинъ и не давать никому вообще, а въ частности желѣзно-дорожнымъ служащимъ (всегда почему то охочимъ задѣть офицера) повода придратъ, поглумиться надъ офицеромъ. Вѣдь въ наше время есть и кромѣ желѣзно-дорожниковъ много любителей поиздѣваться надъ военнымъ.

А и безъ того много неприятностей въ жизни офицера!

Могутъ сказать, что офицеръ, не имѣющій удостовѣренія, — неисправенъ, не знаетъ правилъ, легкомысленъ, *обязанъ* имѣть и т. п. *) Но вѣдь бываютъ обстоятельства, когда этого удостовѣренія можетъ при насъ не быть (украли вмѣстѣ съ кошелькомъ — кто отъ этого гарантированъ?), обстоятельства сильнѣе насъ. Да и вообще поменьше-бы *минимизъ* бумажекъ!

Разъ офицеръ русской арміи имѣетъ право льготнаго проѣзда, для чего ему удостовѣреніе, если онъ въ формѣ?

Офицеръ.

„Подъ Инвалидъ“.

(Изъ захолустныхъ шалостей прошлаго).

*„Въ укрѣпленіи Нукусъ
Весьма странный вкусъ:
Командантъ Данило: „луженая“ глотка—
Съ утра и до ночи у него есть водка“.*

Заброшенное въ глуши Аму-Дарьинскаго отдѣла, удаленное даже отъ знаменитаго „ишачьяго угла“ г. Петро-Александровска на сотни верстъ, среди безконечнаго моря изжелта бурыхъ барханныхъ песковъ съ одной стороны и угрюмыхъ, непривѣтливыхъ береговъ мощной красавицы Аму-Дарьи съ другой — лежитъ глинобитное, устарѣлаго типа, но съ грозными (по названію) брестверами, укрѣпленіе Нукусъ.

Гарнизонъ этой, всѣми забытой, крѣпостцы, которая, однимъ уже своимъ видомъ, нагоняетъ на душу

смертельную тоску, составляетъ взводъ 3-ей сотни 1-го Астраханскаго казачьяго полка. Комендантъ ея, хорунжій Данила К., а интелегенцію поселка, при ней расположеннаго, являютъ собой, — мѣстный участковый приставъ штабъ-ротмистръ М., класный фельдшеръ, рыбопромышленникъ, богатый уралецъ Лепилинъ и отставной поручикъ С., живой памятникъ когда то стоявшаго здѣсь 13-го Туркестанскаго линейнаго баталіона. Больше здѣсь, кромѣ 2—3 десятковъ ссыльныхъ съ Яика Уральцевъ, нѣсколькихъ семействъ рыбныхъ и льняныхъ объѣзчиковъ, да торговцевъ — сартовъ, — нѣтъ никого. Даль и глушь чрезвычайныя...

Изрѣдка лишь проѣдетъ изъ Кунграда „корреспондентъ“ (офицеръ, командиремый за денежной почтой), священникъ для исполненія требъ, да, развѣ случайно, судьба занесетъ инженера, рыбаго смотрителя, доктора, или еще кого-либо поневолѣ. Тогда здѣсь настанетъ праздникъ и, отупѣвшій отъ скуки, горнизонъ, во главѣ съ комендантомъ, не знаетъ, какъ и чѣмъ угостить нежданныхъ гостей.

Въ такую то глушь, идя на охоту за тигромъ въ дельту Дарьи, забрелъ я со своими развѣдчиками 23 октября 1904 года. Комендантъ грозной твердыни несказанно обрадовался свѣжему человѣку, и я, въ ожиданіи пока выпекутъ хлѣбъ для команды, застрялъ на нѣсколько дней...

Черезъ два дня изъ Петро-Александровска, подъ командой есаула Н., съ матушки Волги, пришелъ сюда эшелонъ „сѣряковъ“ (зеленыхъ *) 3-ей сотни 1-го Астраханскаго полка и сдѣлалъ здѣсь дневку на пути въ Хивинскій городъ Кунградъ. Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ и молодой хорунжій У. товарищъ и другъ коменданта. Продневавъ эшелонъ ушелъ дальше, но не хотѣлъ покидать Нукуса хорунжій У. и отпросился у своего командира „допить стремянную“...

Замолкла вдаль пѣсня уходящихъ въ Хиву казачковъ, разсѣялся дымъ и затихъ грохотъ провожающихъ ихъ залповъ, и три молодыхъ офицера остались одни... Появилась горячая „закусъ“, холодныя: шаль, осетринка, икра, — полились разудалыя пѣсни, загрохоталъ тулумбасъ, бубень, зазвенѣли тарелки и пошли веселье, танцы — гарнизонъ загулялъ. Уже темная ночь смотрѣла въ окно, уже мѣстный приставъ, штабъ-ротмистръ М, три раза станцовалъ гопака, уже давно охрипли казаки и стрѣлки — а они все сидѣли...

— Вотъ что, ребята! Вдругъ воскликнулъ пріѣзжій хорунжій, обыденное все надоѣло: — давай пить подъ „Инвалидъ“.

Въ его рукахъ оказался послѣдній, только что полученный номеръ.

— Вотъ, господа, 58-го Прагскаго пѣхотнаго полка поручикъ Брюксъ въ штабъ-капитаны; ну какъ за него не хватить? Какъ не выпить: вѣдь произведенъ въ слѣдующій чинъ! ура, господа станичники, ура за него!

Всѣ пьютъ, на дворѣ слышно мощное казачье ура...

— 135-го Керчь-Еникальскаго пѣхотнаго полка капитанъ Веденѣвъ въ подполковники. Важно — въ

*) Исправны-ли сами, г.г. упрекающіе? Ред.

*) Молодыхъ казаковъ.

штабъ офицеры, давно небойся, ждалъ; ура, за него, господя!

Опять на дворѣ казаки подхватили ура...

— А, ну, къ чорту пѣхоту—поищемъ-ка нашихъ—вотъ, стой, господя! 1-го Донского полка подъесаулъ Дунинъ хватилъ въ есаулы: ура, за него, пей, ребята до дна.

— А вотъ, 8-го Донского полка сотникъ Карповъ зачисленъ по Войску—видно погнажи бѣднягу—ну, живѣй гони за него; эй, станичники, громче кричи! вѣдь пьемъ за своихъ...

И такимъ порядкомъ никто не обиженъ—дошли до „гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства“... На востокѣ загорѣлась заря. Повѣяло съ Дарьи холодкомъ, зашѣли въ поселкѣ Нукусъ пѣтухи...

— Спасибо за пѣсни, ребята, маршъ спать! потѣшились мы сегодня! 3 ведра водки!! кричитъ подгулявшій хорунжій...

Уже давно брезжится свѣтъ... Тихо кругомъ; разошлись казаки.

— А, ну, ихъ къ прабабушкѣ „гражданскихъ чиновъ!“ и такъ выпили за восьмерыхъ. Зыряниновъ, стели намъ постели; ихъ благородія желаютъ уснуть!..

Раннее утро. Жжетъ, еще чувствительное здѣсь въ октябрѣ, Туркестанское солнце. — Гарнизонъ укрѣпленія покоится сномъ,—спятъ и офицеры... Эхъ, молодость, вернешься-ль вновь? Увы, никогда!..

Бывалый.

Съ Терека.

(„Вольная“ одежда.)

По докладу Грозненскаго городского головы „о присоединеніи ст. Грозненской къ г. Грозному“, да и по мнѣнію многихъ другихъ, казаки этой станицы, какъ по внутренней своей жизни, такъ и по внѣшности, приняли совершенно городской обликъ. Многіе казаки этой станицы состоятъ на службѣ въ нефтепромышленныхъ и желѣзнодорожныхъ конторахъ и учрежденіяхъ; поэтому, вполне естественно, что всѣ они переодѣлись въ „вольную“ одежду. Въ большой модѣ у грозненцевъ черныя пальто военнаго покроя съ свѣтлыми пуговицами; черкеска замѣтно тяготитъ ихъ и, въ большинствѣ случаевъ, она надѣвается лишь тогда, когда казакъ отбываетъ какую-нибудь повинность, но находятся и такіе любители, которые позволяютъ себѣ являться въ неприсвоенной формѣ на общественную службу и даже по требованію начальства.

Впрочемъ, нужно сознаться, что и въ прочихъ станицахъ нашего Войска традиціонная черкеска мало-по-малу начинаетъ сползать съ плечъ казака и на нихъ натягивается нѣчто такое, что дѣлаетъ казака вполне похожимъ на „мужика“.

Перениманіе казаками „вольной“ одежды, безъ сомнѣнія, сопровождается позаимствованіемъ и „вольнаго духа“.

Несоблюденіе формы одежды въ воинской средѣ есть вѣрное данное упадка дисциплины. Ка-

заки—чисто военное сословіе. Сохраненіе въ нихъ дисциплины и воинскаго вида,—задача государственной важности; поэтому не только желательно, но крайне необходимо поддерживать въ нихъ любовь и уваженіе къ своему форменному обмундированію. Надо неотступно требовать отъ казаковъ, не только льготныхъ и запасныхъ, но и отставныхъ, чтобы они во всѣхъ случаяхъ, вызываемыхъ требованіями службы, какъ военной, такъ и общественной, непременно одѣвались бы въ свою форменную одежду, а для этого нужно, чтобы форма ихъ была удобной въ повседневной жизни казака, чтобы она являлась чисто національнымъ костюмомъ.

Старые казаки любятъ свою форму и во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни непременно ее надѣваютъ, молодежь же иногда не прочь бываетъ „повольничать“. Въ станицахъ офицерское обаяніе еще велико, казаки во многомъ, въ томъ числѣ и въ одеждѣ, слѣдуютъ ихъ примѣру. Отсюда, само собой становится очевиднымъ, что если офицеры будутъ крѣпко держаться казачьей формы, то и простые казаки не отстанутъ отъ нихъ.

Но тутъ-то мы и наталкиваемся на „одну изъ ошибокъ“ военнаго министерства генерала Редигера. Несомнѣнно, со стороны покойнаго генерала было большою ошибкой, увеличивая срокъ выслуги права на мундиръ въ отставкѣ съ 10-ти до 25 лѣтъ, не сдѣлать исключенія для казачьихъ офицеровъ. Очевидно, было упущено изъ виду, что казаки имѣютъ свой особенный жизненный укладъ.

Офицеръ регулярной арміи, по выходѣ въ отставку, селится въ городѣ, гдѣ его рѣдко кто знаетъ, а потому и совсѣмъ не интересуются съ мундиромъ онъ или безъ мундира. Со своими сослуживцами изъ нижнихъ чиновъ онъ совершенно теряетъ всякую связь, и они другъ другу чужіе.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи казачій офицеръ. Выходя въ отставку онъ часто селится въ станицѣ бокъ о бокъ съ тѣми казаками, съ которыми служилъ въ полку; онъ не только не прерываетъ своего общенія съ ними, а, наоборотъ, входитъ съ ними въ болѣе тѣсную связь, начинаетъ съ ними жить одной общей жизнью, одними и тѣми же интересами.

Настоятельно необходимо въ интересахъ не только казачества, но и всего государства, чтобы отставные казачьи офицеры возможно ближе стояли бы къ рядовому казачеству, принимали бы самое дѣятельное участіе въ судьбѣ своей станицы и были бы непосредственными руководителями своей младшей братіи, поддерживали бы въ ней духъ казачій и старья, добрыя традиціи своего Войска, своей станицы. Разъ же это такъ,—отставной казачій офицеръ долженъ награждаться мундиромъ независимо отъ числа лѣтъ его дѣйствительной службы. Онъ всегда долженъ имѣть наградные знаки своего офицерскаго достоинства.

У насъ, Кавказскихъ казаковъ, офицерское обмундированіе разнится отъ казачьяго лишь по-

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Есаулъ Крижичъ голосомъ
Во всю дуйну голову:
«Помогли атаману — молодцы!
Атаманъ трухлявому гнетъ!»

(Изъ старин. пѣсни).

Кубиловъ

мимо насъ и байда съ безмолвнымъ рулевымъ на ней; прошла, и постепенно исчезла въ сумракъ... и опять на рѣкѣ все объято сномъ. Впереди насъ все отчетливѣе выдѣлялась гора съ силуэтами станичныхъ церквей; все ярче свѣтились огоньки въ домахъ. А вотъ мы и у цѣли: причалили у какой-то старой байды. Чтобы удержаться на теченіи—Савельевъ всталъ и ухватился за ея бортъ, она слегка затрещала. Я, приготовившись заранѣе, выпрыгнулъ на нее. Я никакъ не могъ уговорить своихъ попутчиковъ взять плату за труды. Мы съ взаимными пожеланіями разстались. Отчаливъ они поплыли дальше и постепенно растаяли въ темнотѣ ночи. Я, стоя на берегу, всматривался въ исчезающую точку и вздыхалъ. Какъ будто эти богатыри съ собой унесли мое довольство и покой...

Сзади меня уже пыхтѣлъ паровозъ, ярко освѣщая путь своими фонарями. Это подходилъ поѣздъ, на который я такъ спѣшилъ...

Очарованіе исчезло.

В. Абашиновъ.

Кроваво-кошмарный постъ.

Хмуры, дики и угрюмы далекіе, „Памиры“—эта заоблачная „крыша свѣта“—царство льдовъ, снѣговъ, вѣтра безлюдья, гнетущей тоски...

Нашъ малодоступный, затерянный въ хаосъ Тяньшаня, этапъ, мѣсто стоянки 8-ми „высоко-горныхъ“ постовъ, мѣсто томленія многострадательнаго Памирскаго отряда, состоящаго изъ оренбургскихъ казаковъ и туркестанскихъ стрѣлковъ; вѣчная могила для многихъ изъ нихъ...

Лѣтомъ 1903 года я объѣзжалъ, въ качествѣ туриста, этотъ, забытый Богомъ, непривѣтливый край... Послѣ утомительнаго переѣзда по скучной, однообразной мѣстности, безъ малѣйшихъ признаковъ растительности, жизни, жилья, весь промокшій, продрогшій и по волчьи голодный, наконецъ добрался я до поста Рангъ-Куль, лежащаго въ безлюдной мѣстности, на высотѣ 12240 футовъ и отстоящаго отъ поста Памиръ въ 92-хъ и отъ города Скобелева (Н. Маргелана)—455¹/₂ верстахъ...

Здѣсь надѣялся я основательно отдохнуть у своего товарища по корпусу хорунжаго У. Но злодѣйка-судьба приготовила мнѣ сюрпризъ. Едва въѣхалъ я въ ворота поста, какъ ко мнѣ подошелъ заспанный, давно небритый и обрюзгшій отъ бездѣлья, скуки и сна, оренбургскій урядникъ и уныло отрапортовалъ.

— Ваше благородіе, на посту Рангъ-Куль состоитъ: казаковъ 22, стрѣлковъ 19, коней 23! Ихъ благородіе, начальникъ поста, хорунжій У., вчера порѣшивши съ собой!...

Я остолбенѣлъ.

— Что ты врешь!—Пьянъ? Какъ порѣшили съ собой? накинулся я на него. Но урядникъ невозмутимо мнѣ отвѣчалъ.

— Извольте слѣзать! я васъ къ нимъ проведу, мы убрали ужъ ихъ, и я послалъ донесеніе въ штабъ на Памирскій постъ. Съ утра поѣхали казаки; теперь, почитай, они ужъ за переваломъ Чичекты, а то заночевали въ балкѣ Тонгелекъ-Матыхъ, дня черезъ три пріѣдетъ священникъ и будемъ ихъ благородіе хоронить...

Разбитый тяжелой дорогой—я съ трудомъ спрыгнулъ съ коня. Надежда на отдыхъ пропала, —а сегодня отъ балки Корней-Тарты пройдено 70 верстъ и взять тяжелый скользкій переваль Терекъ-Якъ-Байталъ.

Я прошелъ къ трупу своего однокашника. Въ офицерской квартирѣ поста, на мягкой тахтѣ, въ парадной формѣ, съ кровавой повязкой на лбу, лежалъ другъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, у котораго на посту я надѣялся отдохнуть и вспомнить невозвратные кадетскіе годы. Увы, онъ былъ уже обезображеннымъ трупомъ. Два казака съ шашками на голо составляли его почетную стражу, а подъ тахтой боязливо жался и тихо подвывалъ неразлучный спутникъ покойнаго, красавецъ песь, сеттеръ-гордонъ...

Я вышелъ изъ комнаты вонъ... Запала уже темная „памирская“ ночь. Вѣтеръ жалобно вылъ, шелъ проливной дождь, на дворѣ было мрачно, жутко, темно... Я крикнулъ урядника.

— Вотъ что, станичникъ, приготовь мнѣ постель въ казармѣ у васъ, распорядись самоваръ и чегонибудь съѣсть! скомандовалъ я и вошелъ вновь въ опустѣлый офицерскій покой. Тамъ, по прежнему, сонно стояли у трупа казаки, жалобно стоналъ покинутый песь и въ углу слабо мерцала лампадка. Я зажегъ лампу и сѣлъ за письменный столъ. На немъ лежалъ, залитый кровью, дневникъ. Вотъ что гласили строки его:

Юля 8-го. Постъ Рангъ-Куль на Памирахъ. —„Второй годъ безвыѣздно сижу на посту. Просилъ смѣны—не шлютъ. Книгъ нѣтъ. Почта въ 2 недѣли разъ. Занятій и дѣлъ никакихъ. Люди сильно болѣютъ, пухнуть отъ лѣни, пьянства, тоски. Достаютъ гдѣ-то спиртъ и сосутъ цѣлый день. Шестыя сутки—безпрерывный дождь. Вѣтеръ. По ночамъ—тьма. Душитъ и мучитъ кошмаръ. Всѣ во власти горной болѣзни—„тутэкъ“.

Юля 9-го. Опять дождь; вздулись ручьи, сообщенія прерваны. Выгналъ на пѣсни—ничего не выходитъ. Ходилъ до одури по посту. Игралъ съ вѣрнымъ товарищемъ псомъ. Скучно и ему... Свѣжихъ книгъ ни одной—началъ читать вновь старья. Вечеромъ глушилъ съ урядникомъ спиртъ.

Юля 10-го. Ночью кошмаръ. Имъ боленъ весь постъ. Вѣтеръ и дождь; дождь, дождь безъ конца. На горахъ мгла, туманъ. Опять пѣли съ натугою пѣсни, играли въ жгута, чехарду—ничего не идетъ: тоска окутала постъ...

Юля 11-го. Дождь пересталъ—но вѣтеръ весь день... Опять сосалъ спиртъ. Спалъ ³/₄ дня. Тоска, тоска, тоска... Ночью сухой, удушливый вѣтеръ

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

◆ ГОДЪ ВТОРОЙ. ◆

14 Декабря
1913 г.

№ 17.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
независимый, военно-общественный, журналъ,
посвященный нуждамъ и интересамъ казачества.

Условія подписки: годъ—4 руб., 1/2 г.—2 руб. 25 к. 3 мѣс.—1 р. 20 к.,
1 мѣс.—40 коп.

Банкирская контора „А. А. ВЕДЕРНИКОВЪ“.

Москва, Кузнецкій мостъ. 11.

Телеф.: №№ 3-49-50, 3-49-60 3-49-70 на биржѣ № 3-49-80.

ОБШИРНАЯ ИНОГОРОДНЯЯ КЛИЕНТУРА

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ БЕЗПЛАТНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

Покупка, размѣнъ и продажа процент. бумагъ котирующихся на биржѣ.
Ссуды подъ всѣ процент. бумаги.

Подписка на всѣ займы.
Выкупъ изъ всѣхъ банковъ и кредитныхъ учрежденій процентныхъ бумагъ съ выдачей дополнительныхъ ссудъ.

Текущіе счета.

СЧЕТА <ОНКОЛЬ> (покупка цѣнныхъ бумагъ въ кредит.) для желающихъ принять участіе въ биржевой игрѣ, т. е. покупать и продавать ихъ на Московской Биржѣ. Банкирская Контора открываетъ „Онкольный“ счетъ по внесенію клиентомъ обезпеченія или задатка отъ 300 руб. Покупаетъ по выбору и приказу клиента, цѣныя бумаги на сумму превышающую внесенное обезпеченіе въ 5 или 6 разъ смотря по роду бумаги. ТРЕБУЙТЕ подробный проспектъ.

Взимаетъ по ссудамъ 8%
по счету ОНКОЛЬ 8%
Платить по вкладамъ
на 3 мѣс. 5 1/2 %
на 6 мѣс. 6%.

Страхованіе выигр. билет.
Полученіе по векселямъ.
Порученія покупки и продажи процентныхъ бумагъ на биржѣ.
Иностранная деньги.
Оплата купоновъ.

Продажа на особо льготныхъ условіяхъ (въ разерочку)

Выигрышныхъ БИЛЕТОВЪ на 1-е Января 1914 г.

Задатокъ 25 руб. Ежемѣсячно 7 руб.

Внесшіи 25 руб. не теряетъ деньги въ одинъ тиражъ, а ежемѣсячно уплачивая 7 руб. становится владѣльцемъ билета

Требуйте проспекты.

вая шубка съ бѣлымъ овчиннымъ воротникомъ и новые сапоги съ подковками на каблукахъ.

И онъ радостно бѣгалъ съ товарищами по льду, не обращая вниманія на то, что его называли „соколенкомъ“ онъ радъ былъ, что его не дразнятъ „Хурдою“.

На другой годъ, осенью, пришла въ станичное правленіе бумага, что казакъ Иванъ Соколовъ убить хунхузами. Марья и Петрунька поплакали вволю, но какъ то скоро забыли. Петрунька ходилъ уже въ приходскую школу и учился усердно.

Ив. Филипповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ камышахъ Аму-Дарьи.

Потемнѣли краски заката... Залегла тишь... Безмолвіе царить у насъ на стану въ 4-хъ верстахъ отъ Аральскаго моря у развалинахъ Хивинской крѣпости Акъ-Кали. Спать заморенныя походомъ и зноемъ Туркестанскаго лѣта стрѣлки, спать усталыя за день собаки, спать и жуютъ по инерціи жвачку наши друзья, — пароходы пустынь, — верблюды и лишь уныло, докучно жужжить надъ всѣмъ соннымъ царствомъ свою безконечную пѣсню комарь... Не спится лишь мнѣ... Я поймалъ „камышевую“ лихорадку и она сильно мучаетъ меня.

По этой причинѣ я не могъ расположиться внѣ дома, забрался въ хату рыбаго объѣздчика и думалъ, что въ ней хоть немного засну.

Но пекла его баба въ тотъ день пи-роги—душно здѣсь, жарко, а выйти изъ хаты нельзя. На дворѣ въ пеша-ханѣ (навѣсь изъ марли отъ комаровъ) улегся спать командирь; мнѣ изъ окна видно, какъ онъ ворочается въ своемъ ящикѣ, тяжело кряхтитъ и безконечно курить кручонки—и отъ него бѣжитъ сонъ...

Въ хатѣ до чрезвычайности душно—я совершенно раздѣтъ, страдаю отъ болѣзни и комаровъ. Несмотря на окна изъ марли—они забрались сюда, то и дѣло слышится ихъ назойливое скучное зззз.... и вслѣдъ затѣмъ хлопъ—это я охочусь на нихъ... Отъ

меня бѣжить сонъ, безконечной тянется долгая, душная, эта лѣтняя ночь въ камышахъ дельты Дарьи. Тяжело, кошмарно спать подъ навѣсомъ люди команды—оттуда доносится какой-то неестественный храпъ, бормотанье, безсвязный мучительный бредъ; ворчатъ и ввизгиваютъ спрсонась собаки, гдѣ то вдали, за рѣкой, плачутъ ноютъ, надъ чѣмъ то смѣются шакалы...

Бѣжить сонъ, не заснуть мнѣ въ эту проклятую ночь. ззз.... и хлопъ, ззз.... и хлопъ...

—Довольно, Вамъ, играть на билліардѣ, мѣшаете спать, со двора острить командирь и въ его пеша-ханѣ вновь зажигается огонекъ; обходить сонъ и его, этого взбалмошнаго, капризнаго самодура, волею рока загнаннаго изъ гвардіи въ пески, съ пугами камыша отдаленной библейски прекрасной Аму...

Проклятая малярія, безконечно изводящій комарь—неужто я не сомкну глазъ?..

Зззз... хлопъ... зззз... хлопъ. Чортъ по-бери съ такой билліардной игрой!!!...

Чу... Что такое? Я невольно вскочилъ! Кто такъ кричитъ? чей это странный голосъ, отчего вдругъ проснулись и залились боязливымъ лаемъ собаки, отчего подъ навѣсомъ слышались голоса. Отчего пересталъ курить командирь?.. То „зѣвнулъ“, то подалъ голосъ разъ и другой и сейчасъ заворилъ ему, ему царю здѣшнихъ—мѣсть свирѣпому, кровожадному тигру—его неизмѣнный спутникъ его адъютантъ быстрый и хитрый каракулахъ. Проснулись и завоновались наши флегматики верблюды—царь камышей голосъ подалъ.

— Вы слышите? тревожно спросилъ командирь—„онъ“ недалеко, надо принять мѣры!!.

Я наскоро одѣлъ сапоги, накинулъ на голое тѣло пальто и вышелъ на дворъ... Люди не спали, беспокойно вели себя верблюды, собаки жались къ ногамъ и, полуплая, — выли....

Сонъ у всѣхъ сразу пропалъ. Опять... зѣвнулъ царь дельты Аму, еще разъ, разъ и другой... зѣвъ ослабѣлъ, онъ удалялся. Командирь вновь закурилъ въ своей будкѣ.

— Чортъ бы его побралъ, а жуткая штука, въ такую непроглядную тьму въ душную бессонную ночь... вполнѣ искренне вырвалось у него.

— А почему, дневальный, костеръ у тебя не горитъ накинулся онъ вслѣдъ за тѣмъ на стрѣлка и долго ругаль, разносилъ и измывался надъ нимъ. Мало по малу все успокоилось, все въ норму пришло и затихло...

Я, обойдя нашъ бивуакъ, уложивъ верблюдовъ и отдавъ приказаніе на случай нападенія неожиданнаго гостя, вернулся къ себѣ и пытался заснуть, но увы—зззз... хлопъ... зззз... хлопъ... и такъ до утра.....

Памятна мнѣ эта безконечная ночь у развалинъ крѣпостцы Акъ-Кали.

„Бывалый“.

Папичъ.

(Изъ пограничной были).

Стройный и смуглый татаринъ Папичъ постоянно вертѣлся на посту. Всѣ знали, что онъ—контрабандистъ, да и самъ онъ не скрывалъ этого.

Нравы въ глуши Закавказья были просты, и самъ командиръ отряда, встрѣтивъ Папича, шутливо говаривалъ:

— Ну что, Папичъ, скоро въ Персію?

— Пойдемъ, тибѣ не скажемъ,—смѣялся Папичъ, показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Да и говорить нечего, все равно узнаемъ.

— Наше дѣле пойдемъ, твое дѣле „лови“.

— Охъ, Папичъ, жалко мнѣ тебя,—притворно вздыхалъ командиръ.

— Чиво жалко?

— Винтовку хорошую получилъ я, пристрѣливалъ вчера... бьетъ, охъ, какъ хорошо. Смотри, какъ бы тебѣ не попало.

— Богъ знаетъ,—хладнокровно говорилъ Папичъ.

— Смотри... дружба дружбой, а служба службой; попадешь—не пожалѣю... Знаешь, Папичъ, у русскихъ хорошая пословица есть: повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему голову и сломить.

— Хорошій твоя поговорка говорить,—улыбался татаринъ,—только голова, можетъ, не скоро еще сломить будимъ, а денъга нада.

— То-то, Папичъ, смотри, не сердись тогда, когда помирать будешь, мое слово сказано.

— А покажи, комындырь, винтовка.

— Эй, Петровъ, притащи-ка мою новую трехлинейку!

Ефрейторъ принесъ. Папичъ взялъ обѣими руками, глаза у него загорѣлись, и онъ защелкалъ языкомъ.

— Эхъ, такой бы мнѣ... вся денъги отдалъ бы!

— Ишь, губа-то не дура у тебя.

— смѣялся ротмистръ.—Довольно тебѣ и твоей берданки... Изъ такой винтовки, говоришь, и пулю получить пріятно? Смотри!

Офицеръ приложился и выстрѣлилъ въ полуразбитый кувшинъ, стоявшій шагахъ въ двухстахъ. Черепки посыпались въ стороны.

Папичъ защелкалъ языкомъ и вздохнулъ:

— Если бъ такой винтовка мнѣ, тогда бъ твой солдатъ меня не ловиль.

— Бахамъ чжуримъ¹⁾,—замѣтилъ вахмистръ и покрутилъ свой сѣдѣющій усъ:—мелко плавалъ ты, Папичъ, подрасти немножко.

Такіе разговоры часто велись на глухомъ посту. Приходилъ не одинъ Папичъ, шлялись на постъ и другіе татары. Ауль былъ близко; то молоко принесутъ продавать, то дынь, арбузовъ, то клеверъ или ячмень предлагаютъ.

Торговалъ и Папичъ, какъ другіе.

Одинъ разъ подъ вечерокъ, когда солдаты уже кончили уборку лошадей, пріѣхалъ на постъ Папичъ на новомъ рыжемъ жеребцѣ.

Онъ любитъ всѣмъ хвастнуть, а особенно лошадей.

Папичъ пріѣхалъ откуда-то со свадьбы. На немъ была новая черкеска и весь онъ сіялъ серебромъ. Былъ онъ на-веселѣ.

— Вахмистръ, смотри,—кружился онъ на конѣ,—такой видалъ когда? Куда твой годится? Смотри, асланъ²⁾... Нынче не скоро меня догонишь.

Вахмистръ крякалъ и поглядывалъ. Конь, дѣйствительно, былъ огонь.

— Небось, въ Маку укралъ?—отвѣтилъ вахмистръ на вызовъ Папича.

— Наше дѣле... укралъ, тибѣ памагайтъ

¹⁾ Посмотрѣль бы.

²⁾ Асланъ—левъ.

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Есаулъ кричитъ голосомъ
Во всю буйну голову:
«Помогли атаманъ — молодцы!
Атаманъ трухменку гнетъ!»

(Изъ старин. пѣсни).

Ковшовъ

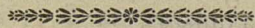
Снова генераль Берладинъ, отъ всей души желая помочь населенію, просить, доказываетъ, убѣждаетъ людей, скрывающихся, за баррикадами изъ различныхъ циркуляровъ, сводовъ и разъясненій....

И, если дѣло пойдетъ по старому, то свѣжія новости о немъ мы услышимъ не ранѣе 1916 года.

Впрочемъ, по слухамъ, генераль Берладинъ намѣренъ непосредственно ходатайствовать передъ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ о справедливомъ разрѣшеніи этого, небольшого въ частности, но великаго въ общемъ сводѣ жизни Донскихъ казаковъ вопросѣ, вопросѣ, затрогивающемъ самую большую сторону, земельную. Доброе дѣло поддерживаетъ Окружной Атаманъ и немалое спасибо скажутъ ему за это казаки.

Но желая отъ всей души благопріятнаго разрѣшенія для казачества этого дѣла, невольно задаешься многостороннимъ вопросомъ: сколько-же еще по разнымъ уголкамъ пропадаетъ казачьяго благосостоянія, гдѣ безцѣльно, а гдѣ и питая млеко и медомъ безцеремонныхъ пришельцевъ, глядящихъ на Донъ, какъ на законную экономическую добычу.

С. Азъ.

За поруганную честь.

Далеко, глубоко, въ горахъ Алатау, въ угрюмой непривѣтливой мѣстности, на берегу вѣчно шумнаго, сердитаго Нарына, лежитъ старое, глинобитное укрѣпленіе того же названія, нѣкогда „грозный“ оплотъ на пути въ Кашгаръ черезъ переваль Мзартъ.

Тосклива, невесела, однообразна здѣсь жизнь казака...

5-го іюля 1905 г. на берегу Нарына собралась мѣстная интеллигенція проводить одного изъ уѣзжающихъ членовъ своихъ, учителя К. Здѣсь были: командиръ сотни подѣсауль П., пунктовой ветеринаръ охранно-карантинной линіи П., техникъ Б., таможенные чиновники, словомъ, вся наличная холостежь. Пили самодѣльное пиво мѣстнаго пристава и привезенную изъ Кашгара китайскую водку—ханшинъ. Всѣ были достаточно возбуждены.

Ветеринарный врачъ пытался свести разговоръ на модные тогда, „проклятые“ вопросы о безалаберно горѣвшей повсюду „россійской“ революціи, Подѣсауль П., какъ вѣрноподданный офицеръ и казакъ, наоборотъ, желалъ подобныхъ разговоровъ избѣжать, находя ихъ совершенно неумѣстными.

Завязался споръ. Больше всѣхъ кричалъ и горячился ветеринаръ.

— Оставьте, пріятель, бросьте это—зачѣмъ отравлять этимъ ядомъ пикникъ? упрашивалъ его сотенный командиръ, но въ отвѣтъ на справедливыя просьбы—врачъ сталъ на него насѣдать.

— А, трусилъ! не хочешь спорить со мной? Халуй, опричникъ, „казакъ“! и посыпались оскорбленія.

— Послушайте, „докторъ“, я не обижаюсь на васъ, вы невмѣняемы, вы пьяны, но прошу не забывать, что здѣсь посторонніе, и кромѣ того, мои подчиненные казаки—и я покорнѣйше прошу васъ замолчать!

Но не унимался расходившійся „скотскій“ эскулапъ и, съ пѣной у рта, кричалъ:

— Молчать! испугался! не боюсь я тебя Малюта Скуратовъ, царскій халуй! и бросился на него...

У подѣсаула потемнѣло въ глазахъ, онъ сватилъ, лежащую рядомъ, винтовку, вскинулъ ее, и послѣдовалъ выстрѣлъ... Разсѣялся дымъ... прошелъ угаръ вспышки.

Для обоихъ была кончена жизнь: для одного навсегда, для другого надолго...

Подѣсаула судили... до суда измотали ему душу и нервы.

Приговоръ суда былъ подтвержденъ: онъ лишился чиновъ, орденовъ, дворянства, званія казака и заключенъ на 5½ лѣтъ въ тюрьму. Просидѣлъ тамъ около 2 мѣсяцевъ и Государь возвратилъ ему все, за исключеніемъ нѣкоторыхъ правъ. И, когда я теперь иногда вспоминаю кошмарные 1904—1905 года, мнѣ представляется эта „обоюдная“ смерть.

„Бывалый“.

Кое о чемъ.

Наступаетъ юбилей Отечественной войны. Газеты всѣхъ направленій помѣщаютъ ежедневно тѣ событія, которыя сто лѣтъ тому назадъ происходили въ Россіи, причемъ много вниманія удѣляется нашимъ донскимъ героямъ, покрывшимъ себя и весь Тихій Донъ неуязвимой славой. Всѣ газеты трубятъ о подвигахъ славнаго нашего Атамана графа М. И. Платова... Его нѣтъ въ живыхъ, но память о немъ сохранилась и не изгладится, такъ какъ его имя вписано золотыми буквами въ исторію Россіи, въ исторію Дона. Мы, донцы, глубоко чтимъ его память, гордимся имъ; его завѣты святы для насъ, мы имъ слѣдуемъ во всемъ... но только на словахъ, а не на дѣлѣ. На дѣлѣ совсѣмъ другое. Мы знаемъ, напр., что графъ Платовъ, много заботясь о распространеніи просвѣщенія на Дону, былъ въ то же время гонителемъ всѣхъ модъ и вообще ложной цивилизаціи. Мы знаемъ, что онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, дабы перевести „донскихъ щеголей“ и одного изъ таковыхъ, встрѣченнаго имъ на улицѣ съ лорнетомъ въ рукѣ, посадилъ въ домъ умалишенныхъ. А теперь... Придя изъ полка на Донъ мы слѣшимъ скорѣе снять съ себя военную одежду и замѣнить ее европейскимъ „щегольскимъ“ костюмомъ, сшитымъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“. Мы стараемся ни въ чемъ не отстать отъ битой нами Европы. Теперешніе потомки былыхъ казаковъ стараются по-